

Научная статья

УДК 398

Синкретический тип исполнительской традиции в повествовательном фольклоре тувинцев

Зоя Б. Самдан

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Кызыл, Республика Тыва, Россия, samdan-sn@yandex.ru

Аннотация. На основе полевых, архивных и опубликованных материалов по исполнительской традиции тувинцев автор исследует эволюцию синкретического типа исполнителей. Сказительство, шаманство и исполнение мифа рассматривается на примере биографий и репертуаров представителей трёх поколений исполнителей Сут-Хольского кожууна.

Актуальность рассматриваемой проблемы автор видит в том, что анализируемый материал подтверждает относительно устойчивое живое бытование древнего синкретического типа исполнительской традиции тувинцев, которое постепенно дифференцировалось и повлияло на особенности развития современного исполнительства.

Автор приходит к выводу, что исполнительская традиция тувинцев, основанная на их религиозно-мифологических воззрениях, долгое время сохраняла свою непрерывность и устойчивость, но только в последнее время претерпевает постепенную трансформацию. Расцвет исполнительской традиции горлового пения, которая имеет единую мировоззренческую основу со сказительством, может повлиять на возрождение сказительского искусства в современной Туве.

Ключевые слова: синкретизм, тип исполнительства, тувинцы, сказитель, шаман, повествователь мифа, эволюция, трансформация

Для цитирования: Самдан З. Б. «Синкретический тип исполнительской традиции в повествовательном фольклоре тувинцев» // Азиатские исследования: история и современность. 2023. №1 (5). С. 105-117. DOI: 24412/2782-6139-2023-5-105-117

Syncretic Type of Performing Tradition in the Narrative Folklore of Tuvans

Zoya B. Samdan

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand.of Sci. (Philology), Leading Researcher, Kyzyl, Republic of Tuva, Russia, samdan-sn@yandex.ru

Abstract. The author explores the evolution of the syncretic type of performers relying on field data, archival and published materials related to the Tuvan performing tradition. Storytelling, shamanism and myth performance are considered on the example of biographies and repertoires of representatives of three generations of performers from the Sut-Hol Kozhuun.

There is a relevance of the problem under consideration in the fact that the analyzed material confirms the relatively stable living existence of the ancient syncretic type of the Tuvan performing tradition, which gradually differentiated and effected on the development of modern performance features.

The author has found that the performing tradition of the Tuvans, based on their religious and mythological views, had been maintaining its continuity and stability for a long time, but only recently faced with a gradual transformation. The flourishing of the performing tradition of throat singing, which has a single ideological basis with storytelling, can influence the revival of storytelling art in modern Tuva.

Keywords: syncretism, type of performance, Tuvans, storyteller, shaman, myth narrator, evolution, transformation

For citation: Samdan, Z. B. (2023) "Syncretic type of performing tradition in the narrative folklore of Tuvans" // Asian Studies: History and Modernity, no. 1 (5), p.105-117. DOI: 24412/2782-6139-2023-5-105-117

Введение

Синкретический тип исполнителя – это феноменальное явление в древней исполнительской традиции тувинцев, который объединял в одном лице сказителя, шамана, исполнителя мифа, иногда и музыканта и исполнителя горлового пения *хоомейжи*. Исследование эволюции и постепенной дифференциации синкретического типа исполнителей в настоящее время представляет особую актуальность в связи с изучением проблемы взаимодействия *хоомейжи* и сказителей *тоолчу*, с помощью которой автор ставит цель – обосновать гипотезу о важности единства мировоззренческой основы исполнительской традиции тувинцев для возрождения сказительского искусства в современной Туве.

Исполнительские традиции сказителей, шаманов и хоомейжи по-отдельности изучены в тувиноведении достаточно широко. Синкретический тип исполнителей ещё не был предметом специального исследования. В данной статье мы ставим задачу – на основе конкретных фактов с помощью сравнительно-исторического, биографического и герменевтического методов исследования обосновать бытование и постепенную трансформацию синкретического типа исполнительства в повествовательном фольклоре тувинцев.

Источниками исследования данной проблемы являются полевые, архивные и опубликованные материалы, в сборе и исследовании которых автор непосредственно участвовала. Это материалы фольклорных экспедиций в Сут-Хольский, Бай-Тайгинский, Дзун-Хемчикский и другие кожууны Тувы¹, а также материалы экспедиций

¹ Фольклорный фонд НА ТИГПИ, т. 17, д. 819 и др.

к этническим тувинцам, проживающим в Монголии [Самдан 2020] и Китае. Большинство материалов опубликовано в тувинских томах серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» [Тувинские народные сказки, 1994; Мифы, легенды, предания тувинцев, 2010], в сборнике «Чылбыга Айны канчап сырыпканыл?» («Почему Чылбыга проглатывает Луну?») [Чылбыга..., 2004], а также в научных трудах М.Б. Кенин-Лопсана [Кенин-Лопсан 2002; 2007].

Синкретический тип исполнительства у тувинцев

Синкретический тип исполнительской традиции как самобытное явление ёмко характеризует мифологические истоки исполнительской традиции тувинцев и особенности бытования мифа в их повествовательном фольклоре. У тувинцев, также как и у других народов Сибири, в давние времена, когда преобладал кочевой охотничий и скотоводческий уклад жизни, древний образ певца часто объединял в одном лице сказителя (исполнителя эпоса), сказочника (исполнителя сказки), шамана-прорицателя, а иногда и музыканта и исполнителя горлового пения (хоомейжи, кайчи).

Сказитель, шаман, хоомейжи, каждый из которых представлял собой своего рода вдохновенного поэта и певца, в большинстве случаев были из охотничьей и скотоводческой среды или сами были охотниками и пастухами, получали свой дар по наследству. Таких исполнителей тувинцы называли: потомственный шаман *уктуг хам* и потомственный сказитель *уктуг тоолчу*. Шаманов, получивших дар от сверхъестественных сил, различали в зависимости от названия божеств, духов, а также сакральных явлений от которых они произошли. М.Б. Кенин-Лопсан называет пять категорий шаманов, различая их по происхождению (например, «шаманы ведущие своё происхождение от неба» *дээрлерден хамнаан хам* и т.д.) [Кенин-Лопсан 1987, с. 11-21]. Знаменитых сказителей определяли, как правило, по наличию сверхъестественного покровителя («сказитель под покровительством духа» *ээлиг тоолчу* т.е. его устами говорит дух).

Шаманство как идеология – явление более древнее и глубокое. По предположению С. Вайнштейна, у народов Сибири шаманы выделились в особую социальную группу в середине I тысячелетия н.э. [Вайнштейн 1961, с. 176]. В древние времена личность шамана была феноменальной. Он был и законодателем религиозной идеологии, и патриархом племени, прорицателем и лекарем, создателем и хранителем народного эпического предания и т.д.

В процессе дифференциации первобытного синкретического словесного искусства предков тюрко-монгольских народов Центральной Азии, по мнению Г.О. Туденова, определились контуры двух главных линий его дальнейшего развития – религиозная (шаманская) и народная (фольклорно-эпическая) [Туденов 1986, с. 100-101]. Основываясь на этом суждении Г.О. Туденова, можно предположить, что если религиозную линию представляли шаманы, а народную, фольклорно-эпическую – сказители, те и другие имеющие единую основу, то их тесное взаимодействие на ранних этапах истории было неизбежно. Традиция сказительства, как часть народной культуры, широко использовалась шаманами, также как шаманские традиции сказителями.

Тесную связь шаманской деятельности с устным народным творчеством или искусством слова бурятский этнограф Т.М. Михайлов объясняет как вполне естественное и закономерное явление. Он полагает, что шаманы, удовлетворяя духовные потребности страждущих, должны были обладать целым арсеналом духовной культуры народа – мифами, сказками, преданиями, родословными и т.д. В целях объяснения различных обрядов, правил, запретов они ставили на службу в первую очередь мифологию – вид устного народного творчества, в котором образно отражаются воззрения людей на окружающий мир, их первые попытки объяснить непонятные явления [Михайлов 1987, с. 128]. Шаманы хорошо знали также и героические сказания, в которых мифология была богато представлена.

Сказитель и шаман как носители сакрального слова и древних знаний были главными деятелями мифотворческого процесса. Шаманы, знающие мифологию, также как сказители, умеющие объяснить шаманские обряды, пользовались большим авторитетом у народа, они считались мудрецами и толкователями.

Происхождение шаманов и сказителей объединяла единая мировоззренческая основа, связанная с идеей избранничества. Подчеркивая посредническую функцию шамана, Т.М. Михайлов пишет: «Шаманы как посредники между верующими с одной стороны, и сверхъестественными силами – с другой, считались избранниками неба или бога» [Михайлов 1987, с. 94].

Древний синкретический тип сказителя и шамана сохранился среди представителей разных сказительских школ Тувы. Это представители Улуг-Хемской исполнительской традиции: Тулуш Баазанай Халдаевич, Дажы-Билбии Ховалыг Балчий-оолович, Чульдум-оол Андрей Ыдамович; Монгун-Тайгинской: Ооржак Чанчы-Хоо Чапаажыкович,

Сурунмаа Шожал Сортуу-оолович, Самбуу Саая Чувурекович; Бай-Тайгинской: Балган Кужугет Ленчаевич, Саая Когел Мижитеевич; Сут-Хольской: Ооржак Маннай Намзыраевич, Сарыглар Борбак-оол Дуктугоолович и т.д.

Представителей синкретического типа исполнительской традиции можно подразделить на две категории: подлинные исполнители-универсалы, т.е. исполнители-сказители, владевшие и шаманским, иногда и музыкальным даром и исполнители-сказители, просто внешне подражавшие шаманам. Некоторые тувинские сказители, перенимая опыт шаманов, выполняли, более широкие функции – художественно-эстетические и обрядовые. Если функции сказителя они выполняли постоянно, то обрядовые, как например, проведение обрядов освящения священных гор и водных источников – они иногда выполняли в качестве заместителя шамана.

В годы репрессий, в 1930-50-е гг. XX в. в Туве пострадало большое количество носителей традиционной культуры, несправедливо обвинённых как представители феодально-религиозной идеологии. Даже ориентировочного количества носителей традиционной культуры – сказителей, музыкантов, мастеров-умельцев, пострадавших в годы репрессий, – не зафиксировано в официальных документах.

Более всего гонениям подверглись представители традиционных религий, культовые служители – шаманы и ламы. Многие из них были убиты или заключены в тюрьмы, их культовые атрибуты были сожжены или спрятаны в пещерах, буддийские храмы разрушены. В. И. Харитонова, ссылаясь на данные М. Б. Кенин-Лопсана, пишет: «В первой половине XX в. было до 700 шаманов, многие из них были истреблены – в основном, погибли в тюрьмах или вынуждены были прекратить практику и не смогли выжить» [Харитонова 2001, с. 175]. О трагическом положении ламаистской церкви в Туве после революции документированную статистику приводит М. В. Монгуш: «...Если в 1929 г. в Туве насчитывалось 25 хурэ с общим штатом 4813 лам, то к 1937 г. осталось всего 5 хурэ, и то в состоянии упадка, и 67 лам (ТАРН 10 дугаар Улуг хуралының илеткелдери, Кызыл, 1937, с. 40). К началу 1940-х годов все монастыри на территории Тувы были полностью разрушены» [Монгуш 1992, с. 118-119]. По сравнению с духовенством, которое поневоле вынуждено было ослабить в те годы духовные и материальные рычаги воздействия на религиозные чувства и веру людей, сказительство в Туве сохраняло более прочные позиции. Сказители хранили традицию силой своей памяти и слова. Преемственность между поколениями сказителей ослабевала постепенно.

Подлинным шаманским даром обладали представители разных сказительских школ Тувы. Об этом вполне убедительно свидетельствуют тексты сказок, мифов и шаманских алгышей, исполненные одним и тем же исполнителем и собранные доктором исторических наук М.Б. Кенин-Лопсаном в течение многих лет, у таких сказителей как Сурунмаа Шожал Сортуй-оолович, Самбуу Саая Чувурекович, Куулар Орус Донгур-оолович, Мунзук Ондар Илгинович, Дажы-Билбии Ховалыг Балчий-оолович, Балган Кужугет Ленчаевич и др. Эти тексты мифов и алгышей, записанные у сказителей, были опубликованы в его книгах [Кенин-Лопсан, 2002, 2007].

В эпической и обрядовой исполнительской традиции тувинцев выделялись и более последовательно развивались сказительство и шаманство. Поэтому в Туве раньше сформировались отдельные сказительские традиции (или «школы») и потомственные шаманы, представляющие разные родо-племенные группы и локальные территории. Данный факт указывает на существование региональной и семейной сказительской традиции. Большинство исполнителей обладало только сказительским или только шаманским даром, но были также и универсальные исполнители. Древний синкретический тип исполнителя сохранялся в тувинской фольклорной традиции относительно устойчиво.

В разных кожуунах Тувы, особенно западных, помимо сказительской сильны были и музыкальные исполнительские традиции. Из западных кожуунов вышли известные исполнители и мастера-изготовители музыкальных инструментов, сильнейшие исполнители горлового пения (*хөөмейжи*), которые сохранили исполнительскую преемственность до сегодняшних дней.

Тувинская фольклорная практика показала, что древний синкретический тип исполнителя дифференцировался постепенно. В зависимости от исторических условий, сложившихся в Туве, его развитие имело свои особенности.

Со временем, начиная с периода Тувинской Народной Республики (1921-1944), в связи с переходом носителей от кочевого образа жизни к оседлости, от «бесписьменного» периода к так называемой «культурной революции» исполнительская традиция тувинцев постепенно начала трансформироваться и дифференцироваться на отдельные виды традиционного исполнительства: сказительство, шаманство, традиционное музыкальное искусство.

Ввиду своего природного поэтического дара и таланта импровизатора некоторые тувинские сказители легко подражали шаманам. При этом

они выполняли, за исключением лечебной, более широкие функции: и обрядовые, и развлекательные. Если художественно-эстетические функции сказителя они выполняли постоянно, то обрядовые, как, например, обряды освящения священных гор и водных источников, они иногда выполняли замещая шаманов.

В советский период, в результате вульгарно-атеистической идеологии и гонений на шаманов, многие тувинские сказители на протяжении долгого времени продолжали скрывать свои шаманские способности. На идеологические запреты накладывалась также сама специфика эзотерических знаний шаманов, их сакральность, требующая утаивания.

Особенности локального бытования тувинского исполнительства синкретического типа мы рассмотрим на конкретном примере представителей трёх поколений Сут-Хольской сказительской школы, которую удалось зафиксировать фольклористам в сравнительно полном объёме². Здесь большую роль сыграли записи признанного мастера-собиранья тувинского фольклора Дарымы Ондара Киш-Чалаевича, который является уроженцем местности Манчурек Сут-Хольского кожууна.

Первое поколение традиционного исполнительства представляют Ооржак Маннай Намзыраевич (1892-1968), Монгуш Агылдыр Маскырович (1895-1955), Монгуш Амашкын Хиненович (1898-1964); второе поколение: Монгуш Хургул-оол Сазыг-Хунаевич (1908-1983), Куулар Орус Дуктуг-оолович (1917-1992), Мунзук Ондар Илгинович (1917-1990); третье поколение, представители которого продолжают исполнять сказки и мифы по сегодняшний день: Сарыглар Борбак-оол Дуктуг-оолович (1929-2002), Монгуш Сонгар-оол Хургул-оолович 1950 г.р., Ооржак Аркадий Кудер-оолович 1968 г.р.

Внутри Сут-Хольской сказительской школы, также как и в других кожуунах, можно выделить семейную сказительскую традицию, в которой исполнение сказок, мифов, легенд и преданий передавалось из поколения в поколение, от отца к сыну, от учителя к ученику и т.д.

Так, например, семейная исполнительская традиция в роду ооржаков передавалась следующим образом: от прабабушки Манная по-прозвищу «Тоолдаар кадай» («Старуха рассказывающая сказки») к деду Дыгырыку, от него к внуку Маннаю, от него к шурину Хургул-оолу, от Хургул-оола к сыну Сонгар-оолу и племяннику Аркадию.

Если представители первого поколения отличались синкретизмом и многообразием эпического и исполнительского репертуара,

² Фольклорный фонд НА ТИГПИ, т. 17, д. 81 и др

то особенности исполнителей второго поколения Сут-Хольской сказительской школы заключаются в том, что они представляют более дифференцированные типы исполнительства: Монгуш Хургулоол – признанный эпический певец, Куулар Орус и Мунзук Ондар – исполнители мифов и шаманских алгышей.

Представители третьего поколения, как показали исполненные им тексты, уже не владеют таким большим репертуаром как их учителя, они почти утратили высокохудожественные приёмы сказительства, больше исполняют произведения фольклора в форме пересказа, в стилизованном книжном варианте. Их вера в достоверность мифологических сюжетов иногда сохраняется, иногда переходит в критический, ироничный тип отношения.

О некогда существовавшей сильной исполнительской традиции тувинцев свидетельствуют фольклорные материалы, собранные нами у этнических тувинцев, проживающих на тех территориях, в которых продолжают доминировать традиционный охотничий и скотоводческий способ хозяйствования.

Так, например, живое бытование архаических жанров фольклора у этнических тувинцев, проживающих в Монголии и Китае, мы зафиксировали во время наших экспедиций. Они состоялись в сумон Цэнгел Баян-Улэгейского аймака Монголии в 1988, 2002, 2007 гг.; в сумон Копту Коптинского аймака Монголии [Самдан 2020, с. 70-81], а также в сумоны Хоом, Ханас, Ак-Хаваа Синьзянь-Уйгурского автономного района Китая в 2011 г.

Во время экспедиции 2011 г., например, нам удалось записать несколько трансформированных, но все же сохранивших свою семантическую основу мифологических сюжетов. Это космогонические мифы о созв. Плеяды (Үлгер), созв. Орион (Көгетей), о лунном затмении; о потоке, о сивом быке озера и несколько зооморфных мифов. Рукопись с этими текстами готовится к печати.

Больше сохранилась исполнительская традиция в форме пересказа мифологических сюжетов, трансформированных в жанры легенды, предания и былички.

С исторической точки зрения синкретичность и непрерывную преемственность исполнительской традиции тувинцев можно объяснить следующими факторами. Непрерывное развитие синкретического типа исполнителей в Туве в течение длительного времени – с древнейших времен и до современности – стало возможно, на наш взгляд, благодаря

неизменности и силе мировоззренческой основы, подпитывающейся идеей неразрывности человека и природы. Основной фонд мифологических текстов сохранялся и при дальнейшей дифференциации исполнительской традиции.

В советское время относительно устойчиво развивалась сказительская традиция, которая получила активное развитие в бесписьменный период жизни тувинского этноса и в первые годы формирования новой письменности и культуры продолжала удовлетворять духовные и художественно-эстетические потребности народа. Сказители-шаманы в какой-то степени содействовали сохранению шаманских традиций, которые в годы репрессий пережили большие притеснения.

В постсоветское время, в период демократических преобразований, в результате которых началась новая волна духовного подъёма тувинцев, шаманизм наравне с буддизмом возрождается заново и уже на новом уровне. Сказительская традиция, наоборот, в связи с глобализацией и стремительным расширением информационного пространства в современном мире, постепенно теряет свои позиции, а сохранившиеся жанры фольклора заметно трансформируются.

В настоящее время наибольший расцвет получила исполнительская традиция тувинцев в виде традиционного вокального и музыкального искусства – горлового пения хөөмея и народных песен, сопровождаемых на национальных музыкальных инструментах.

Исполнительскую традицию, заложенную предыдущими поколениями исполнителей мифа, сказки, хоомя и мастеров-изготовителей музыкальных инструментов, на современном этапе продолжили и продолжают, но уже только как певцы и музыканты многочисленные их последователи. К ним относятся исполнители, получившие дар исполнительства от предшественников через прямую семейную преемственность или через ученичество в определённых исполнительских школах, представляющих разные кожууны Тувы.

Исполнительскую традицию *Дзун-Хемчикского кожууна*, которую представляли знаменитые в прошлом хоомейжи и мастера-изготовители Дакпай Максим, Кара-Сал Ак-оол, Тамдын Константин продолжают ныне известные их преемники Ховалыг Кайгал-оол, Ондар Конгар-оол, Ондар Монгун-оол, Тамдын Алдар, Монгуш Андрей и др. Традиции мастеров *Сут-Хольского кожууна* Ооржака Хунаштар-оола, Ондара Маржымала, Монгуша Сундукая продолжают – Ондар Сергей, Ондар Бады-Доржу и др.; *Бай-Тайгинского кожууна*: Хомушку Идамчапа,

Балгана Кужугета, Саая Көгела – Салчак Владимир, Опей Андрей и др.; *Улуг-Хемского кожууна*: Тумата Кара-оола, Чульдум-оола Андрея – Чаш Геннадий, Кошкендей Игорь и др.; *Овюрского кожууна*: Сат Манчакая, Санчы Кызыл-оола – Тумат Геннадий, Куулар Герман и др.; *Монгун-Тайгинского кожууна*: Севека Алдын-оола – Херлии Борис, Саая Каң-Хулер и др., *Эрзинского кожууна*: Кыргызса Сорукту – Михаил Допчун, Сам Аян-оол и др.; *Тес-Хемского кожууна*: Федора Тау – Данзырын Аяс, Чооду Начын и др.

Расцвет традиционного музыкального искусства – явление закономерное. Эти самобытные зрелищные виды народного творчества, как способы самовыражения этносом своей национальной идентичности, возродились в условиях демократии, на месте ранее запрещённых, якобы «идеологически вредных пережиточных явлений» национальной культуры. Они органично компенсируют и удовлетворяют духовные и эстетические потребности людей, воспитанных на национальных традициях, которые создавались веками их предками. Эти традиции сохранились в их национальной культуре – материальной (жилище, костюм, кухня и т.д.) и духовной (этикет, религиозные воззрения, устное и музыкальное народное творчество). Непрерывающуюся преемственность исполнительской традиции, её жизнестойкость можно объяснить, на наш взгляд, гуманистической мировоззренческой основой, подпитывающейся идеей неразрывности человека и природы. Эта основа вырабатывалась в течение всей истории этноса и определила особенности менталитета и мифоэкологического сознания тувинцев, их близость к природе.

Заключение

Таким образом, в настоящее время в Туве синкретический тип исполнителя, совмещающего в своей практике и сказительский дар, и шаманский дар, и дар хөөмейжи, можно сказать, почти не остался. Среди единичных последователей, к сожалению, преобладают сказители-стилизаторы, больше склонные к импровизациям книжного характера.

Несмотря на то, что у тувинцев до недавнего времени сохранялась преемственность репертуара и относительно устойчиво функционировала исполнительская традиция, которая на современном этапе ещё продолжает наблюдаться довольно ощутимо и последовательно, все же в этой системе происходят большие видоизменения. Необходимо признать тот факт, что это уже более поздние формы бытования, принципиально отличающиеся от ранее существовавшего исполнительского синкретизма. Однако наметившаяся за последние годы тенденция развития синкретического типа исполнительской традиции нового качества –

народного певца, хөөмейжи и сказителя, обусловленная устойчивостью традиционного мировоззрения тувинцев, позволяет видеть возможности возрождения почти угасающего сказительского искусства в современной Туве. Актуальной проблеме взаимодействия и взаимовлияния исполнительской традиции хөөмейжи и тоолчу посвящена отдельная статья автора.

Литература:

1. Вайнштейн 1961 – Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М., 1961. 218 с.
2. Кенин-Лопсан 1987 – Кенин-Лопсан М.Б. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Новосибирск, 1987. 139 с.
3. Кенин-Лопсан 2002 – Кенин-Лопсан М.Б. Мифы тувинских шаманов. Кызыл: Изд-во «Новости Тувы», 2002. 539 с.
4. Кенин-Лопсан 2007 – Кенин-Лопсан М.Б. Алгыши тувинских шаманов. Якутск: Бичик, 2007. 200 с.
5. Михайлов 1987 – Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск: Наука, 1987. 288 с.
6. Н.А. Алексеев, Д.С. Куулар, З.Б. Самдан, Ж.М. Юша 2010 – Мифы, легенды, предания тувинцев / Сост. Н.А. Алексеев, Д.С. Куулар, З.Б. Самдан, Ж.М. Юша. – Новосибирск: Наука, 2010. 372 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 28).
7. Монгуш 1992 – Монгуш М.В. Ламаизм в Туве. Историко-этнографическое исследование. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1992.
8. Самдан 2004 – Самдан З.Б. О материалах Цэнгэльской фольклорной экспедиции 2002 г. // Учен. зап. ТИГИ. Кызыл, 2004. Вып. 20. С. 362-367.
9. Самдан 2020 – Самдан З.Б. Трансформация сказочных жанров в фольклоре цэнгэльских тувинцев в условиях современного бытования // Цэнгэльские тувинцы: фольклор и литература: коллектив. моногр. / У.А. Донгак [и др.]; науч. ред.: Г. Золбаяр, Бадарч Баярсайхан, отв. за вып. У.А. Донгак. Новосибирск: Наука, 2020. С. 70-81.
10. Самдан 1994 – Тувинские народные сказки / Сост. З.Б. Самдан. Новосибирск: Наука, 1994. 460 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 8).
11. Туденов 1983 – Туденов Г.О. О тувинской литературе дооктябрьского периода на старописьменном монгольском языке // Взаимодействие литератур народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1983. С. 257-262.
12. Фольклорный фонд Научного архива ТИГПИ, т. 17, д. 81 и др.
13. Харитонова 2001 – Харитонова В.И. Религиозно-магические практики Южной Сибири: трансформации традиций в постсоветскую эпоху // Материалы Международного междисциплинарного научно-практического симпозиума «Экология и традиционные религиозно-магические знания» Россия: Москва–Абакан–Кызыл. 9-21 июля 2001 г. С. 169-187.
14. Чылбыга Айны канчач сырыпканыл? Тыва улустун бурун-чугаалары (Почему Чылбыга проглатывает Луну? Тувинские мифы/ Сост. З.Б. Самдан. – Кызыл: тув. кн. изд-во, 2004. – 256 с. – (Памятники фольклора).

References:

1. Vainshtein, S.I. (1961), "Tuvintsi-todzhintsi. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Tuvans-Todzhans. Historical and ethnographic essays]", Moscow, "Nauka", 218 p. (In Russ.)
2. Kenin-Lopsan, M.B. (1987), "Obryadovaya praktika i folklor tuvinskogo shamanstva [Ritual practice and folklore of Tuvan shamanism]", Novosibirsk, 139 p. (In Russ.)
3. Kenin-Lopsan, M.B. (2002), "Mifi tuvinskikh shamanov [Myths of Tuvan shamans]", Kyzyl, "News of Tuva", 539 p. (In Russ.)
4. Kenin-Lopsan, M.B. (2007), "Algishi tuvinskikh shamanov [Algysh of Tuvan shamans]", Yakutsk, "Bichik", 200 p. (In Russ.)
5. Mikhailov, T.M. (1987), "Buryatskii shamanizm: istoriya, struktura i sotsialnie funktsii [Buryat shamanism: history, structure and social functions]", Novosibirsk, "Nauka", 288 p. (In Russ.)
6. Alekseev, N.A., Kuular, D.S., Samdan, Z.B., Yusha, Zh.M. (2010), "Mifi, legendi, predaniya tuvintsev [Myths, legends, legends of Tuvans]", Novosibirsk, "Nauka", 372 p. (In Russ., Tuv.)
7. Mongush, M.V. (1992) "Lamaizm v Tuve. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie [Lamaism in Tuva. Historical and ethnographic research]", Kyzyl, Tuv. book. publishing house.
8. Samdan, Z.B. (2004), "O materialakh Tsengelskoi folklornoi ekspeditsii 2002 g. [On the materials of the Tsengel folklore expedition in 2002]" / Scientific notes TIGI, no 20, Kyzyl, pp. 362-367. (In Russ.)
9. Samdan, Z.B. (2020), "Transformatsiya skazochnikh zhanrov v folklore tsengelskikh tuvintsev v usloviyakh sovremennogo bitovaniya [Transformation of fairy-tale genres in the folklore of the Tsengel Tuvans in the conditions of modern existence // Tsengel Tuvans: folklore and literature]" / U.A. Dongak [and others]; scientific editors: G. Zolbayar, Badarch Bayarsaikhan, responsible, Novosibirsk, "Nauka", pp. 70-81. (In Russ.)
10. Samdan, Z.B. (1994), "Tuvinskie narodnie skazki [Tuvan folk tales]", Novosibirsk, "Nauka", 460 p. (In Russ., Tuv.)
11. Tudenov, G.O. (1983), "O tuvinskoj literature dooktyabrskogo perioda na staropismennom mongolskom yazike [On the Tuvan literature of the pre-October period in the old written Mongolian language // Interaction of the literatures of the peoples of Siberia and the Far East]", Novosibirsk, pp. 257-262. (In Russ.)
12. Folkloronii fond Nauchnogo arkhiva TIGPI [Folklore Fund of the TIGPI Scientific Archive], vol. 17, d. 81, etc. (In Tuv.)
13. Kharitonova, V.I. (2001), "Religiozno-magicheskie praktiki Yuzhnoi Sibiri: transformatsii traditsii v postsovetskuyu epokhu [Religious and Magical Practices of Southern Siberia: Transformations of Traditions in the Post-Soviet Era] // Proceedings of the International Interdisciplinary Scientific and Practical Symposium "Ecology and Traditional Religious and Magical Knowledge", Moscow-Abakan-Kyzyl, pp. 169-187. (In Russ.)
14. Chylbyga Ainy kanchap syyrypkanyl? [Tyva ulustun burun-chugaalary], Comp. by Z.B.Samdan, Kyzyl, Tuv. book. publishing house, 256 p. (In Tuv.)

Информация об авторе:

Зоя Б. Самдан, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Республика Тыва, Россия Кызыл, Россия;

Россия, Республика Тыва, 667000, ул. Кочетова, д. 4,
samdan-sn@yandex.ru.
РИНЦ Author ID: 792943

Information about the author:

Zoya B. Samdan, Cand. of Sci. (Philology), Leading Researcher, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia; 4 Kochetov str., Kyzyl, 667000, the Republic of Tuva, Russia, samdan-sn@yandex.ru.
ORCID: 0000-0002-0667-2954

© Самдан З. Б. 2023
